

А. Ф. Филиппов

Полицейское государство и всеобщее благо.

Статья первая.

Год назад – 1 марта 2011 г. – в России вступил в силу Закон о полиции. Многим кажется, что прежняя милиция только именуется теперь по-другому, в остальном же закон изменил немного. Причины переименования, сопровождавшегося, впрочем, дискуссиями и поправками к закону, переаттестацией сотрудников и другими мероприятиями, были с самого начала загадочны. Таковыми они и остались. Одно слово, хотя бы исторически отсылавшее к вооруженным формированиям охраняющего порядок народа, заменили на другое, исторически столь же внятно отсылавшее к государственной монополии на вмешательство в самые разные дела. Возможно, тем больше появилось тогда резонов называть нашу страну полицейским государством, хотя новизны в том не было даже и для новейшей истории: уж точно не позднее рубежа 2000-х гг. началось это в политической публицистике.

В каком-то смысле на сей счёт установился даже консенсус. Поздней осенью минувшего года на транспарантах протестующих в Москве можно было видеть лозунг «Долой полицейское государство!», – но и не более того. О том, что самоочевидно, не спорят, да к тому же здесь нет российской специфики. Во всем мире те, кто недоволен своим правительством, кто считает, что оно забирает себе слишком много прав и чересчур активно вмешивается в частную, политическую, религиозную или хозяйственную жизнь, называют свое государство полицейским и негодуют и борются против него. Достаточно набрать «police state» – именно так, по-английски, – в поисковой машине Интернета, чтобы обнаружить, как часто клеймят этими словами, например, США сами американские граждане¹. «Действительно ли Америка – полицейское государство?» – риторически спрашивают одни. – Нечего скрывать, говорят другие, – ужасная истина такова: мы живем в полицейском государстве (а некоторые добавляют: «Да-да! И еще фашистском!»).

Это, пожалуй, и не наше дело, пусть себе американцы сами разбираются, но одно соображение может быть здесь не лишним именно для нас. Историки, а в особенности историки права, знают, что ни слово «полиция», ни словосочетание «полицейское государство» изначально не содержали в себе ничего скверного, угрожающего. Поначалу все было по-другому, и лишь в конце XVIII в., когда идея права и человеческого достоинства начала овладевать умами, понятие «правового

---

¹ Несколько реже говорят о своих странах то же самое жители Франции, Канады и ФРГ.

государства» начало казаться европейцам более соблазнительным, чем понятие государства полицейского. Но и тогда еще это последнее не вовсе утратило кредит: и в XIX в., и даже в начале века XX в. находились энтузиасты, которые стремились переосмыслить идею полиции и полицейского управления. Настоящий перелом произошел лишь в 30-е гг. XX в., с установлением новых режимов: коммунистического режима в СССР, фашистского – в Италии, и нацистского – в Германии. Именно против нацизма и коммунизма была направлена либеральная критика, именно то, что творилось в этих странах, стало в новейшее время синонимом полицейского государства вообще, хотя ни регулярность террора, ни повсеместность контроля, ни, самое главное, формы мобилизации, характерные для тоталитарных режимов, не были ведомы классическим полицейским государствам. Но так или иначе, ассоциативная связка установилась прочная²: полицейское государство равно неправовому, здесь полиция не столько даже вмешивается, сколько составляет сердцевину управления; то, что в иных государствах является предметом свободного решения или юридической регуляции, в полицейском решает особая организация, монополизовавшая, как назвал это Макс Вебер, право на *легитимное насилие*.

Важно ли это в наши дни? Пожалуй, разъяснение того, с чего все начиналось и как менялось, само по себе не имеет не то что первостепенного, но даже и второстепенного значения, однако прошлое невозможно просто отменить или изолировать интерес к нему кругом сугубо научных изысканий. Многие актуальные аргументы в продолжающихся дискуссиях построены как раз таким образом, чтобы протянуть нить от прошлого к настоящему, настоящее объяснить через прошлое, мало того, объявить настоящее, каким мы его знаем, тем самым, делясь по сей день прошлым, разве что слегка видоизмененным³. Некоторые из этих аргументов мы сейчас и рассмотрим.

---

2 См., например: Thomson C. The Police State: what you want to know about the Soviet Union. N.Y.: Dutton Publishers, 1950.

³ Классический пример – знаменитая книга Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме», русский перевод которой вышел в издательстве «Независимой газеты» в 1993 г. Одна из глав её так и называется: «На пути к полицейскому государству». Пайпс из российского (времен Николая I) варианта «закона об оскорблении величия» и выводит, как известно, все аналогичные регуляции не только при социализме в России и СССР, но и при национал-социализме в Германии и при фашизме в Италии. Но куда важнее другое: «полицейское государство» он отождествляет с государством *политической* полиции. Ни в одной другой стране мира, говорит Пайпс, до первой мировой войны не было двух видов полиции: одной – для защиты государства, а другой – для защиты его граждан. Особенностью политической полиции было право на административную, внесудебную расправу за преступления, считавшиеся политическими. Неполитической полиции он столько внимания не уделяет.

Самый заметный вклад в изменение подхода к нашей теме внес влиятельный историк, американец русского происхождения Марк Раев (1923-2008). Раев сделал простой, с нынешней точки зрения, но, в ретроспективе, совсем не тривиальный ход. Вместо того, чтобы рассматривать Россию как государство политической полиции, он исследовал европейскую идею полицейского государства и полицейской науки и сопоставил то, что делалось в Европе, с тем, что получилось в России⁴. Здесь необходимо сделать одну оговорку. Изучение влияний французских и немецких авторов на русские реформы XVIII в. – старая тема, которой посвящено много исследований отечественных и зарубежных историков. Интересно в исследовании Раева то, что связано оно с новым вниманием к проблематике полиции и полицейской науки, которое обозначилось в последней четверти прошлого века, когда вопрос о природе полицейского устройства социальной жизни стал обсуждаться заново и, пожалуй, более глубоко, чем в предшествующие десятилетия.

Полиция как особый институт появилась в Европе в конце XVII – начале XVIII вв.⁵, и об этом еще будет сказано несколько слов ниже, Раев же уделяет особое внимание самой *идеологии* полицейского государства, полицейской науке, представленной в начале XVIII в. монументальным трудом Николая де Ла Мара «Трактат о полиции», а в Германии – новой дисциплиной – камералистикой. Вот что пишет об этой идеологии сам Раев: «Сильное независимое государство и могучий властитель считались необходимыми условиями духовного и материального благосостояния подданных, а счастье их имплицитно приравнивалось к максимизации творческого потенциала государства угодными Богу способами»⁶. Русские императоры, начиная с Петра Первого, находились под сильным впечатлением от идеи так понятого полицейского государства и хотели ввести в России нечто подобное. Однако, несмотря на все их усилия, несмотря на то, что Екатерина Вторая «может считаться одним из величайших камералистских

---

⁴ См.: Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach// The American Historical Review, Vol. 80, No. 5 (Dec., 1975), pp. 1221-1243. См. также его книгу: The well-ordered police state: social and institutional change through law in the Germanies and Russia, 1600-1800. New Haven: Yale University Press, 1983. Есть русский перевод статьи: Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме //Американская русистика. Императорский период. Самара: Издательство «Самарский университет», 2000. С. 48-79.

⁵ При том, что те или иные полицейские функции выполнялись в разных странах с глубокой древности самым разными способами, о чем не уставали напоминать и первые теоретики «полицейской науки», возводившие слово полиция к слову «полис».

⁶ Raeff M., The Well-Ordered Police State. Op. cit. P. 1225.

правителей»⁷, что-то не сложилось, и дела шли все хуже и хуже. Если в Европе результатом камералистского управления полицейским государством стало пробуждение творческой энергии подданных, то в России суверены не располагали необходимыми для этого социальными ресурсами и стали опираться на дорогостоящую и чуждую большинству населения полицию.

Чего же им не хватало? – Независимых, существующих с давних времен форм институциональной саморегуляции в обществе. Вот почему столь различно действие бюрократии в Европе и в России. В Европе правители нуждались в бюрократии как продолжении своей воли, но они нуждались и в предсказуемом обществе, важнейшие составляющие которого самостоятельно организовывались и могли вести себя в соответствии с рациональными принципами. В России же бюрократия рассматривала личный характер правления императоров как образец поведения и препятствовала свободному самостоятельному функционированию законов и правил, продолжала традицию злоупотреблений, произвола и политики репрессий⁸.

С этим нам и надо теперь разобраться поподробнее. Какое отношение счастье подданных имеет к полиции? Как связаны между собой полицейская наука, традиционные институты и творческая энергия подданных? И как все это связано между собой? Раев поставил в заголовок своей статьи словосочетание, которое столь прочно засело в умах многих его читателей, что не каждый разберется, сколько разных смыслов в него упаковано. Это повлияло, как мне кажется, и на рецепцию его статьи и книг в России. Историческая терминология на русском языке устоялась, и выражение «регулярное государство», «регулярное полицейское государство» многим кажется чуть ли не техническим термином. На самом деле, здесь еще многое неясно⁹. «Хорошо упорядоченное» – “well-ordered” у нас практически повсеместно переводят как «регулярное». Для этого есть свои резоны, но я бы предложил в

---

⁷ Ibid. P. 1336.

⁸ См.: Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder: Westview, 1994. P. 123.

⁹ Часто встречаются ссылки на известного историка С. Ф. Платонова, его «Лекции по русской истории». См.: «...
«регулярном»

.Раева...»

(Омельченко О.А. «Законная монархия» Екат
. М.: Юрист, 1993. С. 67). Однако в «Лекциях», изданных в 1917 г. такой терминологии нет. Напротив, в книге Б.И. Сыромятникова «"Регулярное" государство Петра Первого и его идеология» (М.-Л.: Из-во Академии наук СССР, 1943. С. 47) о лекциях Платонова говорится: «Автор ни единым словом даже и не упоминает ни о московском самодержавии, ни о "регулярном", полицейском государстве Петра...». Распространено также мнение, что в таких терминах впервые заговорил В. О. Ключевский. Но оно не подкрепляется ни одним из его известных и имеющих научное хождение сочинений.

данном случае посмотреть на дело немного по-другому и перевести термин буквально, не жертвуя тонкостями и перекличками смыслов.

Казалось бы, ничего сложного. Раз «хорошо упорядоченное», значит, бывает и «плохо упорядоченное», в котором порядка нет совсем или он есть, но его недостаточно. Хорошо упорядоченное – значит, такое, где задача наведения порядка решается хорошо. А что такое порядок? Легко сказать что порядок – такое состояние социальной жизни, когда ожидания не расходятся с действительностью. Но если все идет своим чередом: на улицах *ожидаемо* неспокойно, торговцы *ожидаемо* обманывают покупателя, зрелища *ожидаемо* безнравственны, а хлеб не дешёв, – то это для нас не порядок. В представление об ожидаемом порядке встроено представление не только о регулярности, но и о благе; мы порядком считаем лишь хороший порядок, а хорошим порядком – такой, при котором все *ожидаемо хорошо*. Слово сочетание “well-ordered” означает, что государство «упорядочено в хорошем смысле», «*добропорядочно*». Сам этот «добрый порядок», а не только специальная служба охраны, и есть полиция – *gute Ordnung und Policey*, как писали немцы в старые времена, – впрочем, им бывало достаточно одного из двух синонимичных слов, и хороший порядок они попросту называли «*gute Policey*». Итак, запомним, что «well-ordered» – отсылка к доброй полиции, а вовсе не регулярность, в смысле повторяемости, правильности т.п. Это понятие – в таком виде – встроено в традицию.

История полицейских учреждений в Европе уходит в глубокую древность, и не представляла бы для нас здесь особого интереса, когда бы не особый, новый опыт создания единой полицейской службы, не законодательство и, главное, не попытки осмысления нового феномена в так называемой “полицейской науке”. Всё движется поначалу неспешно, и в XVI в., в эпоху становления суверенных государств представительные имперские собрания, *Рейхстаги*, устанавливая правовые регуляции в Священной Римской империи Германской Нации, принимают решения о том, *что* является предметом полицейской заботы, но отнюдь не о том, *как* и *кем* они будут проводиться на огромных пространствах все более теряющего видимое единство Рейха¹⁰. В второй половине XVII в. происходит объединение полицейских

---

¹⁰ Слово сочетание “*gute Ordnung und Policey*” фигурирует в 1530 г. в Имперской Резолюции (Reichsabschied) Аугсбургского рейхстага, но оно имело хождение и веком раньше. «Конечно, в Имперской резолюции 1530 г., § 98, предметом заботы полиции вообще не назывались те широкие сферы, которые она охватывала впоследствии, а назывались лишь отдельные вещи: “тяжкое неслыханное богохульство, пьянство, излишества, роскошь в одежде, чрезмерные траты на свадьбы, крестины, погребения, тяжелая, неудобоваримая еда в харчевнях, меры и веса, что, конечно, не могло быть исчерпывающим перечнем...”».

служб Парижа, подчиняющихся “генерал-лейтенанту”¹¹ (по-русски эту должность позже начали называть на немецкий манер «полицмейстер»), потом такие же единые службы и должности появляются по всей стране. В начале XVIII в. выходит в свет знаменитый «Трактат о полиции» Николя де Ла Мара¹², где круг задач полиции, т.е. правильного устройства городской жизни, определен самым широким образом и размечен в соответствии с теми особыми видами *благ*, которые определяют деятельность и преуспевание различных общественных групп¹³. «...Желаем Мы, – говорится в королевском эдикте, которым учреждались полицейские должности во Франции – и повелеваем, дабы сказанные полицмейстеры знали бы все, что касаето будет до безопасности городов и тех мест, где учреждается их должность, о ношении оружия, воспрещенном Нашими ордонансами, об очистке улиц и публичных мест, о содержании в порядке уличного освещения в городах, где оно устроено, и всем, что для этого требуется, о провианте, необходимом для жизни в сказанных городах, о складах и магазинах, о пошлинах и ценах на продукты...»¹⁴. Перечисление тут еще длинное, но суть ясна.

«Удобство и спокойствие» – вот в чем основной смысл полиции, говорится во вводном определении в соответствующей статье *Энциклопедии* Дидро и Д’Аламбера (труд де Ла Мара послужил для нее важнейшим источником). Полицейское попечение касается самых разных вещей¹⁵, и «полиция» понимается в это время не только как государственное учреждение, но и как процесс управления для

Речь идет также о «ростовщичестве, о супружеской неверности», о «попрошайках, бездельниках, цыганах и бродягах», о певцах и музыкантах. Бросается в глаза не только конкретика регуляций и отсутствие полицейских в нашем понимании задач, но и преимущественно запретительный характер полицейских мер». См.: Wolzendorff K. Über den Umfang der Polizeigewalt im Polizeistaat. Marburg: Heinrich Bauer, 1905. S. 3-4.

¹¹ Это положило конец конкуренции и вражде отдельных «лейтенантов», возглавлявших особые полицейские службы.

¹² La Mare N. d. Traité de la police, où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les loix et tous les règlements qui la concernent. T. 1. Paris, 1705.

¹³ Слова «общественная группа» я использовал здесь нейтрально, техническим образом, чтобы не связывать себя тонкостями трактовки терминологии XVII в.

¹⁴ Ibid. P. 40. Полиция XVIII в. понимается как сквозное *управление* социальной жизнью, которое, конечно, без запретов и кар не обходится, но ими не ограничивается. Предметом особого исследования, причем не только и не столько юридического, сколько политико-философского, должно было бы стать и сравнение французских и немецких документов XVIII в. с «Уставом благочиния, или полицейским» Екатерины II в России. См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI. С. 1781 по 1783. СПб, 1830. С. 462-476. Российских дел мы еще коснемся ниже.

¹⁵ В разных странах и в разные времена полиция бывает разная, разъясняет далее автор *Энциклопедии*; у нас же «особыми объектами полиции являются религия, нравы, здоровье, жизнь, безопасность, дороги, науки и свободные искусства; коммерция, мануфактуры и ремёсла, прислуга, работники и бедняки» (Encyclopédie ou Dictionnaire universel raisonné des connoissances humaines. Tome XXXIV. Yverdone, MDCCCLXXIV. P. 374).

достижения того самого «благополучия», которое нередко, при чтении авторов той эпохи, хочется назвать просто «цивилизованным состоянием»¹⁶.

Государство достигнутого таким образом благополучия и есть *полицейское государство*. Мишель Фуко говорил об этом так: «Полиция направляется на деятельность людей, но лишь постольку, поскольку эта деятельность имеет отношение к государству. В традиционной концепции [т.е. предшествующей концепции полицейского государства – А. Ф.]» суверена, принца или республику интересовало то, каковы были люди – их статус, их добродетели, их внутренние качества»¹⁷. Хорошее государство, как считалось, должно состоять из хороших людей – добродетельных, не праздных и послушных. А вот в полицейском государстве важно, *что они делают*. Задача полиции – контроль за их деятельностью и ответственность за нее. Поэтому первой заботой полиции становится количество людей, населяющих страну, обеспечение их первейших жизненных потребностей, здоровье (не в смысле борьбы с эпидемиями, а в смысле, как мы сейчас сказали, санитарно-гигиенических мер) и, наконец, обращение произведенных человеком благ¹⁸. Мы покажем это сейчас на примере камералистики, о которой уже упоминали выше.

Задача полиции в широком смысле слова, говорил И. Г. фон Юсти, крупнейший представитель «полицейской науки» в Германии, состоит в том, чтобы увеличивать совокупное достояние (*Vermögen*) государства и счастье его жителей, так что экономика города и села, науки о торговле, горном и лесном деле должны относиться к разряду полицейских. В более узком смысле, продолжал он, полиция есть все, что относится к хорошему устройению гражданской жизни, сохранению порядка и дисциплины, сохранению жизненных удобств и росту средств пропитания¹⁹. Счастье, счастливое состояние – повторяет Юсти, – вот конечная цель республик (так он именуется иногда государства). Юсти словно бы переводит на современный ему язык то, что говорил Аристотель: люди объединяются в

---

¹⁶ В нескольких языках, включая английский и французский, в наши дни есть понятие «полицированный», то есть упорядоченный, урегулированный полицией. В XVIII в., когда в слове «полиция» ещё отчётливо слышался «полис», такое упорядочивание понимали как хорошее *городское* состояние. Мишель Фуко говорил в этой связи об «урбанизации» как упорядочивании всей государственной территории по образцу города. См.: Foucault M. *Security, territory, population*. N. Y.: Palgrave Macmillan, P. 421-422. К сожалению, имеющийся русский перевод книги трудно рекомендовать безоговорочно, ввиду некоторой невыдержанности терминологии.

¹⁷ Ibid. P. 417.

¹⁸ См.: Ibid. P. 417-420.

¹⁹ См.: Justi J. H. G. v. *Grundsätze der Polizeiwissenschaft... Dritte Ausgabe*. Göttingen: Verlag der Witwe Vandenhoeck, 1782. S. 7-8.

политические сообщества не просто ради жизни, но для *благой жизни* – это конечная цель их, то есть *телос*, «завершение, в коем сказывается природа» (Аристотель. *Политика*, 1252b 30). Именно благо он трактует как счастье, а счастье – как удовольствие, подобно многим своим современникам, отчего и полицейское государство получается у него, как говорят впоследствии, *гедонистическим*. Так или иначе, у Юсти под именем «полицейской» мы находим целую систему наук, центральное место в которой занимают способы приращения государственного достояния – будь то из того, что находится на поверхности земной (сельское хозяйство, пути сообщения, города), или того, что можно извлечь из недр. Но мало этого! Для общего счастья подданные должны обладать необходимыми в целях исполнения долга нравственными качествами – это опять-таки дело полиции! – И вот здесь-то мы как раз начинаем опознавать хотя бы что-то отчасти знакомое: «Но поскольку, однако же, не все жители государства одинаково хороши, необходимо заниматься внутренней безопасностью, а зло и несправедливость удерживать в рамках. А короче о том же самом можно сказать, что подданные, дабы иметь согласные со счастьем государства способности и свойства, должны быть 1) разумными, 2) полезными и 3) не обременительными членами сообщества»²⁰. Государство для Юсти – «нравственный организм», земли, им занимаемые, должны быть обработаны и использованы, города – это кровеносные сосуды, по которым циркулирует богатство. Города должны быть устроены безопасно, удобно и красиво, а население должно умножаться, о его здоровье необходимо печься ... – И все это называется «полицией».

Юсти оказался очень востребованным и многократно переведённым в России автором²¹. Большое влияние имели у нас и другие немецкие полицейисты как в XVIII, так и в XIX вв.²²; это влияние необходимо постоянно учитывать, изучая становление

---

²⁰ Ibid. S. 14-15. Юсти «пропагандирует набор государственных мероприятий, центр тяжести которых смещается от набора запретов в старых полицейских порядках к комбинации стимулирования, поддержки и гарантий безопасности» (Stolleis M. *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland*. 1. Band. München: Beck, 1988. S. 381.)

²¹ Специально о влиянии одного из трудов Юсти на Екатерину II при составлении «Наказа» см.: Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения/ Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1907. С. СXXXV—СXL. Использован материал сайта rusunivers.ru.

²² Чечулин устанавливает более обширные и прямые заимствования в «Наказе» из другого знаменитого в те годы автора, барона Бильфельда, чьи «Установления политические» впоследствии тоже были переведены на русский. Юсти, кстати, не соглашался с Бильфельдом в определении задач науки о государственном управлении и особенно важным считал то, что в полиция имеет дело с *благоденствием семей*. В наше время историки доказывают, «что в главах “Наказа”, посвященных финансам и полиции, сложно различить влияния Юсти и Бильфельда», а 15 статей главы о полиции были созданы на основе цитированной выше статьи «Полиция» в «Энциклопедии», т.е., опосредованно, «Трактата о полиции» де Ла Мара. См.:

в России полицейского права и собственно полиции. Но если сделать небольшой шаг вперед – не претендуя ни на обобщения, ни на тонкость анализа, а только дополнительно акцентируя то, что, в общем, и так бросается в глаза, – *что* мы не сможем обойти, говоря об этом старом понимании полиции? – Взаимосвязь узко понятого благополучия с широко понимаемой безопасностью, а также высшее попечение о нравственном здоровье²³ – с принципами экономического процветания. Но было и ещё нечто важное. Гедонистический полицеизм был сводом практических дисциплин, предназначенных для прямого использования в политическом и хозяйственном управлении. Удивительно ли, что те, кто придумал эти науки, постарался их использовать? Или, быть может, так: удивительно ли, что желание *попользоваться* привело к созданию некоторого рода наук?

Прежде, чем разъяснить этот последний вопрос и сделать еще один важный шаг в изложении некоторых любопытных исторических обстоятельств, я бы хотел вновь оговориться. Любые социальные события и процессы сложны, и естественное, в общем, желание справиться с этой сложностью то и дело оборачивается даже и у профессиональных исследователей по видимости все объясняющим, а по сути беспомощным «на самом деле». Можно исследовать историю полицейской науки – но при том утверждать, что *на самом деле* полицейское принуждение бывало во все века и не меняется с появлением ученых трактатов. Можно объявить ничтожной идеологию полицейского государства, потому что *на самом деле* она не столько даже скрывала постоянный произвол, сколько возводила его в принцип. Можно сказать, что идеологические заимствования у немцев и французов никак не сказались на фактических обстоятельствах российской жизни и управления. И тем более можно сказать, что последующая история полиции-милиции не имеет к этому никакого отношения, ибо *на самом деле*... Всё так. Но иногда следует вспомнить и о том, что пелена суждений и описаний не только *скрывает* некую подлинную реальность, но и сама, как реальность суждений, не менее подлинна. Иначе говоря, попечение о благе и порядке – это не (только) способ скрыть от окружающих некую неизменную и низменную корысть, но способ описать для себя и окружающих любые (в том

Лавринович М. Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства, 1762–1796 гг. Автореф. Дисс. Канд. Ист. Наук. М., 2001. См. также: Плавинская Н.Ю. Новые сведения о французских источниках «Наказа» Екатерины II // Россия и Франция, XVIII–XX века. Выпуск 2. М.: «Наука», 1998. С. 8–20.

²³ А. Б. Каменский, говоря об «Уставе благочиния, или полицейском», изданном Екатериной в 1782 г., напоминает о включенном в его состав «Зерцале» управы благочиния, «своего рода моральном кодексе и рядового гражданина, и следящего за соблюдением закона полицейского» (как показал В. Григорьев, текст его восходит всё к тому же трактату де Ла Мара). См.: Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: НЛО, 1999. С. 247.

числе и низменные) деяния как попечение о благе и порядке. В чем здесь разница? В том, что в «маскирующем» тот, кто его разоблачает, усматривает некоторым образом своего единомышленника, того, кто знает ту же самую правду, что и его разоблачитель, но злобно скрывает ее в своих интересах. Между тем, если посмотреть на дело по-другому, окажется, что многие события поддаются более полному и последовательному описанию именно в тех случаях, когда мы допускаем, что разоблачаемый нами язык есть подлинный язык самоописаний, язык, благодаря которому «агенты социальных действий» понимают самих себя, свои действия и свои цели.

Всё это было необходимо сказать именно сейчас, перед обращением к одной в высшей степени поучительной и разоблачительной интерпретации истории немецкого камерализма. Вообще, камерализм – не совсем то же самое, что полицейская наука, это комплекс дисциплин, в котором «полиция» была лишь одним из предметов, вместе с экономикой и финансами. Долгое время именно экономическая составляющая камерализма (в котором видели немецкий аналог французского меркантилизма) считалась самой главной, пока, наконец, выдающийся американский социолог Альбион Смолл в обширной монографии не доказал, что это была прежде всего политическая наука²⁴. Много внимания Смолл уделил полицейской науке в понимании Юсти. Время от времени, отрываясь от подробностей, Смолл восклицает: все это – то есть принципы устройства совместной жизни людей, как их описывает Юсти, – совершенно противоположно тому, как устроены дела в Америке²⁵, будь то сельское хозяйство или законодательство, для американцев все это – бюрократия и патернализм, совершенно невозможное вмешательство государства в частные дела. Подводя итог рассмотрения главного труда Юсти, Смолл замечает: идеи такого рода управления американский народ до сих пор отвергал единодушно без какого-либо обсуждения, без слушаний и дебатов, просто как «неамериканские». Но однажды, нет сомнений, продолжает он, настанет время, когда «вдумчивые американцы будут способны порассуждать о системе,

---

²⁴ Small Al. *The Cameralists, the Pioneers of German Social Polity*. Chicago: The Chicago University Press, 1909. Само слово «камерализм» происходило от немецкого «Kammer» – «палата», «кабинет» в прямом смысле слова, где заседали управленцы, ведавшие финансами и налогами и т.п. в немецких княжествах. Камералисты придумали камерализм как целый комплекс управленческих дисциплин, включая науку о полиции, экономику и финансы, причем именно полицейскую науку тот же Юсти считал фундаментом остальных.

²⁵ Между прочим, оказалось, что в английском языке нет даже слова, чтобы перевести один любимый термин Юсти (сохранившийся у немцев и в следующем веке, хотя ныне и не употребительный). Это термин «Gemeinwesen» или, по старому, «das gemeine Wesen», означает такую общность, которая куда крепче всего, что можно понимать под словом «народ» или «граждане республики».

представленной в этих книгах в незрелой ещё форме, смогут взвесить цели, коим предназначена была служить эта система, и сделать вывод, что хотя методы контроля, этими целями предполагаемые, невозможны в Америке, сами по себе цели должны быть каким-то образом организационно встроены в цивилизованный образ жизни»²⁶.

Классик американской социологии ведёт здесь речь о том, что является одной из острейших проблем Америки его времени: о необходимости *социальной политики*, выравнивающей, смягчающей те проблемы, острота которых в Соединенных Штатах становилась все более ощутимой. Собственно, и социология, основателем которой в США был Смолл, стала должна была ответить именно на этот вопрос: как же получилось, что свободные люди в свободной стране, никем не принуждаемые и не стесняемые, свободными действиями порождают несправедливый и непреодолимый в своей несправедливости порядок²⁷.

Исследование немецкой полицейской науки – один из путей поиска ответа на этот вопрос, ответа, как ясно самому Смоллу, единодушно отвергаемого еще в начале XX в. американским народом не просто в силу устарелости рецептов или отягощенности камерализма чуждой культурной традицией, но потому именно, что вмешательство правительства – пусть даже ориентированного на благоденствие семей, пропорциональное и соответствующее благоденствию государства, – считается здесь пока немислимым. Американцы все ещё надеются обойтись без социального государства и отвергают вместе с ним немецкую полицейскую науку.

Итак, даже в начале XX в. обращение к полицейской науке приводило, прежде всего, хотя и не исключительно, к исследованию вопроса о социальной политике, о регулирующем действии государства в области «политики благосостояния». Полицейское государство – и это, в общем, не удивительно, представало (хотя бы в теории) не только царством репрессии, но и государством социальной помощи, социальным государством. К этой теме, пока что обозначенной самым общим образом, мы еще обратимся.

Однако здесь появляется еще один мотив. Я уже отметил выше, что камерализм был наукой камералистов, но что это значило? – Крупнейший современный историк права М. Штольайз полагает, что полицейское право и полицейская наука сыграли большую роль в формировании немецкой бюрократии.

---

²⁶ Small A. The Cameralists... Op. cit. P. 452.

²⁷ См. об этом: Turner S. P., Turner J. H. The impossible science: an institutional analysis of American sociology: Thousand Oakes: SAGE, 1990.

Она осознавала свое место в государстве и свои задачи в терминах этих дисциплин, видела себя не просто инструментом суверенного произвола, но и необходимым государству для его блага сословием управленцев со своим представлением о «большой миссии» и этическим кодексом. Американский историк камерализма Андре Уэйкфилд совсем недавно первым, кажется, посмотрел на дело совершенно иначе. Уже само название книги Уэйкфилда перекликается с названием статьи Раева – «The disordered police state» – «Беспорядочное (а точнее: разупорядоченное, лишенное порядка) полицейское государство»²⁸, но полемизирует он прежде всего с книгой Смолла, вышедшей ровно за сто лет до того. Вот важный тезис Вейфилда: «Немецкие камералисты существовали в качестве связки между наукой и экономическим развитием. В Германии именно они были поборниками того представления, что развитию можно способствовать посредством систематического приложения наук о природе и человеке»²⁹. Таким образом, знания не только способствовали извлечению природных богатств, они сами оказывались богатством, тем, чем можно торговать, что приносит прибыль. Что же было в то время основным объектом познания? Удивительным образом, химия занимала одно из центральных мест в этой системе наук, а местом ее, совокупно с более специальными дисциплинами, были *шахты*, рудники, горное дело». Возделывание земли понимается камералистами очень широко, это не только сельское хозяйство, но и добыча полезных ископаемых. В это время в Германии возникает культовое отношение к горам и подземным богатствам, а камералисты – обладатели правильного знания – берут под контроль администрирование рудников. В их построениях «хорошо упорядоченный» (хорошо устроенный) рудник – это миниатюра хорошо устроенного (хорошо упорядоченного) государства. Юсти, рассказывает Уэйкфилд, был впечатлен работой механических подъемников, приводимых в движение водой, он сравнивал механизм шахты и *механизм государства*, мотором которого считал «питающее сословие», трудящиеся классы. Полицейская задача состояла тут в том, чтобы сконструировать в реальности наилучшее питающее сословие. Все население должно было быть поделено, как в шахтах, на управляющих и управляемых, ученых и необученных. Здоровье управляемых зависело при этом, с одной стороны, от доброкачественного управления, а с другой – от трудолюбия управляемых³⁰.

---

²⁸ Weakfield A. The disordered police state. Chicago: The University of Chicago Press, 2009.

²⁹ Ibid. P. 25.

³⁰ Ibid. P. 33-34.

Замысел, продолжает Уэйкфилд, был вроде бы хорош, но что-то не заладилось. Не получалось именно прозрачного аппаратного действия, всюду царил хаос. Проваливалась не «чистая, оторванная от жизни теория», как можно было бы подумать, но именно «третий путь», который предлагал камерализм, путь соединения теории с практикой, путь научно обоснованного овладения природой и построения счастливой жизни на основе все более полного удовлетворения потребностей³¹. Знание такого рода тоже можно было продавать – и поначалу со значительным успехом. Примечательно в этой связи, что Юсти, начиная в Гёттингене наиболее яркую часть своей карьеры, проявляет активность сразу в нескольких направлениях: он пишет предложения об усовершенствовании полиции (ночного дозора), он предлагает новые способы выплавки меди (а впоследствии, уже в Пруссии – железа), он предлагает учебные курсы, альтернативные университетским – метафизика, филология и астрономия, по его мнению, совершенно бесполезны³². При том он конфликтует не только с университетом, но и с городским советом, будучи полицейским уполномоченным, он требует для себя *права совершать аресты*, постепенно распространяя свою полицейскую активность с улиц города в пределы университета с его вечно беспокойными студентами. ... Юсти плохо кончил – в заключении³³ в крепости Кюстрин, куда бросил его, лишив всех постов, прусский король Фридрих Великий. Обстоятельства его краха – король был недоволен его злоупотреблениями и неэффективностью управления – до сих пор обсуждаются, но возможно ли было в принципе, чтобы дело повернулось по-другому?

Вот как рисует Уэйкфилд активность Юсти в то время, когда его дела в Пруссии были еще на подъеме: «У старого камералиста на всё был ответ. Почему Пруссия вынуждена импортировать так много железа? – Потому что мастера-железоделатели в самой Пруссии алчны, нечестны и невежественны. – Может ли Пруссия сама обеспечить себя хорошей жестью и сталью? – Конечно! Но для это нужны правильные чиновники, обученные камералисты, на вооружении которых будут наилучшие принципы химии и финансов. – Тут, однако, отсутствовал один важнейший ингредиент: эти чудесные чиновники, которые должны были превратить отсталые прусские земли в доходные провинции, сами должны были

---

³¹ В изложении Уэйкфилда я постоянно сбиваюсь на язык поздней советской пропаганды. Кажется, это неизбежно.

³² См.: Ibid. P.

³³ По другим сведениям, вскоре после выхода из заключения.

быть честными. Но почему они должны были быть честными?»³⁴. – Ответ Юсти на этот вопрос оказался, в конце концов, роковым. Он разделил камералистов на хороших и плохих и плохими назвал тех, кто пытается выжать все возможное из уже существующих хозяйств. Между тем, хорошие камералисты не просто бескорыстны, честны, вооружены наилучшими знаниями и радеют об общем благе, но они еще и развивают и умножают производства. Это послужило основанием для того, чтобы предлагать все новые и новые дорогостоящие прожекты, вокруг которых закружились мошенники, прожекты, так и не принешие обещанного процветания. Коррупция, а не чистый честный рациональный строй «хорошо упорядоченного» полицейского государства стали тем результатом, о котором убедительно пишет современный исследователь. Торговать самим камерализмом становилось видимо, все труднее, но он еще долгие годы пользовался кредитом доверия.

Разумеется, это только часть истории камерализма и только часть истории полицейской науки и вообще идеи полиции. Но некоторые предварительные соображения в этой связи мы все-таки выскажем.

Полицейское государство как идея организации деятельности людей ради общего блага находится в сложной связи с прошлым и будущим. Так или иначе она сопрягается с заботой о физическом и нравственном здоровье, с противодействием разного рода порче и со своеобразным преломлением старого принципа справедливого и правильного порядка, при котором все находится на своем месте. Но не только это. Полицейская идея изначально связана с широко понимаемой безопасностью, то есть именно с тем, чем и занимается полиция в последующие века. Но безопасности не может быть, когда дела экономические приводят к социальным размежеваниям и напряжениям. Социальное государство оказывается государством полицейского вмешательства в хозяйственные дела, да и не только в хозяйственные. В этом государстве появляется идея поставить природу на службу человеку, иначе говоря, не столько открывать и изобретать новое, сколько находить новые и новые способы извлечения богатства из существующего для наилучшего распределения благ. И, конечно, все это сопровождается коррупцией, авантюрами – и, возможно, отнюдь не случайно, развитием той самой полиции, которая постепенно, с годами, становится основным, а потом и единственным воплощением идеи полицейского государства.

---

³⁴ Ibid. P. 90.

Это не более, чем спекуляция, конечно, – для сколько-нибудь убедительных выводов нужно куда больше разных источников. Но еще и не конец рассказа. Мы только разметили территорию, на которой намерены продолжать поиски, и еще много удивительного надеемся найти на ней даже при самом поверхностном и быстром осмотре.